

Васильюк Ф.Е.
ПСИХОЛОГИЯ МИССИИ

Библиографическая ссылка:

Васильюк, Ф.Е. Психология миссии [Текст] / Ф.Е. Васильюк // Миссия церкви и современное православное миссионерство. – М.: Свято-филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. – С.139-143.

Федор Василюк (Москва)

ПСИХОЛОГИЯ МИССИИ*

Психологическое измерение миссии — вот тема, которую мне хотелось бы развить в этом докладе, опираясь на профессиональный опыт психотерапевтической помощи людям. В выступлении А. И. Кырлежева была высказана мысль о том, что единственной реальной миссионерской территорией является территория души. Этот подход, который ставит в фокус внимания миссионерской работы отдельного человека, его душу, кажется мне очень актуальным и точным откликом на специфические особенности современной ситуации в культуре и в Православной Церкви.

В день Пятидесятницы апостолы исполнились "Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать" (Деян 2: 4). Эта изначальная связь Церкви, благовестия и языка имеет глубокий смысл. Парфян, мидян, еламитов, жителей Месопотамии и Иудеи, весь собравшийся тогда в Иерусалиме народ изумило более всего не что-то недоступное, необычное, чуждое и грандиозное, а то, что все они слышали из уст апостолов родную речь, нечто *близкое, привычное, свое*. Заметим: дар языков, данный тогда Церкви для миссии и благовестия, есть дар двухсторонний, с помощью которого можно не только что-то *сообщать* другим, но и *понимать* других.

Об этих двух особенностях языка благовестия важно помнить, когда мы думаем о миссии не по отношению к народам или общностям, а по отношению к отдельному человеку: во-первых, наша речь должна быть для него родной, во-вторых, он должен не только услышать что-то, но и сам быть услышан и понят.

Есть глубинная связь между языком и народом, но не менее существенна связь между языком и душой, языком и личностью. Психотерапевтический опыт, требующий от психолога вникания в

* Автор благодарит Российский гуманитарный научный фонд за финансовую поддержку исследований по теме "Проблемы синергичной психологии". Грант № 96-03-04563.

неповторимую жизненную ситуацию, убеждает, что всякий раз, встречаясь с *этим* человеком, мы должны изучить его особый язык.

В психологии существует продуктивное различие понятий значения и личностного смысла. Слово "дом" имеет общее значение для всех носителей языка, но личностный смысл этого слова для каждого человека уникален. Стоит ненадолго внутренне остановиться на этом слове, произнести несколько раз "дом"... "дом"... и позволить своей душе соприкоснуться с ним, как постепенно изнутри души на него начнет что-то откликаться, начнут всплывать ассоциации и воспоминания — знакомая ступенька, дверь, запахи дома, слова приветствия, радость встречи, вид из окна... целый мир.

Кроме значения и личностного смысла каждое слово обладает "чувственной тканью". Достаточно вспомнить об известных опытах со словом "лимон" — желтая кожура, нож, тонкая долька, капельки сока на блюде, чтобы убедиться, что даже железы внутренней секреции, вообще все тело участвуют в понимании всякого слова.

Итак, мы воспринимаем слово не умом только, но всей нашей биографией, всем телом, иначе говоря — жизнью. Жизнь — вот орган восприятия слова.

Несколько лет назад мне пришлось участвовать в так называемом "марафоне молчания", психологической группе, где люди молчали несколько часов и потом каждый мог рассказывать другим о пережитом опыте. Когда первый человек начал говорить, он стал произносить слова очень медленно, в ритме спокойного дыхания: вдох — пауза — слово — вдох-пауза — слово. И никто не барабанил пальцами по столу, не качал ногой, все слушали неторопливо и благоговейно. Было воочию видно, что каждое его слово зарождается где-то в глубине, поднимается через все его тело, через всю жизнь, все воспоминания и чувства и, захватив все его существо, наполнившись до краев смыслом, полновесным, зрелым выходит к людям.

Стоит ли удивляться, что известный французский психоаналитик Жак Лакан соединил в своей характеристике человека "существо и "слово" и определил человека как "словшество". Христианину с этим легко согласиться. Как Господь наш есть Слово, так и чело-

век — слово и не в каком-то метафорическом, а в буквальном соматопсихическом смысле.

Эти психологические и антропологические выводы стоит удерживать в поле нашего внимания, когда мы думаем о миссии. Миссионерская деятельность, увы, слишком часто воспринимается как однонаправленный вектор, монолог, возвешение истины, одним, знающим ее и владеющим ею, другому, истины не знающему и не имеющему ее. Реально же миссия такой просто по природе вещей быть не может. Во-первых потому, что душа человека вовсе не "tabula rasa", во-вторых, потому что душа — не пассивноеместилище содержаний, а активное, живое, ищущее слово. Миссионерская деятельность есть диалог и потому может надеяться на успех только в том случае, если в ней происходит встреча с живым личным словом человека.

Это так легко признать теоретически и так порой непросто исполнить практически. Вот пример из психологического занятия с группой катехизаторов, в ходе которого анализировались трудные ситуации из их огласительной работы. Одна из таких ситуаций возникла после того, как женщина, проходящая оглашение, задала вопрос о том, почему в православии нет женского священства. Катехизатор в ответ дает историческую справку, оглашаемая не удовлетворена, она переформулирует вопрос, он объясняет каноническую суть дела — в ответ раздражение, обида на "несправедливость", разгорается спор. В чем дело? В том, что обсуждение велось без учета личностного смысла, только на уровне значений. А на этом уровне вопрос напоминает китайский иероглиф, который может иметь несколько сотен значений, и понять, какое из них было использовано в этот раз, не зная контекста, практически невозможно. Если бы катехизатору удалось, не торопясь с ответом, вникнуть в личностный смысл вопроса, могло бы обнаружиться, что за общей формулировкой стоял не абстрактный интерес, а личная судьба женщины, какие-то жизненные проблемы, быть может желание уволиться с работы, прилепиться к храму, тревога о том, как же она будет себя тогда обеспечивать, и какие-то мысли о карьере, перенесенные из привычной мирской жизни и т. д. Как бы катехизатор ни относился к подобным желаниям, тревогам и мыслям, ясно, что в ответе на вопрос, нужно иметь дело не только и не столько с внешней формулировкой, сколько с теми внутренними

душевными движениями, которые за нею стоят. Только в этом случае он может рассчитывать, что произойдет встреча с ее словом, взятым не поверхностно, а в полноте смысла, встреча с «душой и личностью, и значит миссия его будет исполнена, весть передана.

Подобное требование может быть распространено на христианскую миссию вообще. Иначе миссионер, посланник, несущий весть, рискует просто "не застать адресата дома".

Из такого понимания психологической природы миссии как личностного диалога вытекают важные следствия.. Главнейшее из них можно назвать принципом *открытости*. Речь не только об открытости храма и общины, но и о человеческой открытости миссионера, его готовности лично участвовать в деле миссии. Любое слово, которое передает пусть самую значительную мысль, но не согрето душой и сердцем говорящего, не пропитано личным опытом жизни и молитвы, доброго плода не даст. Однако такая личностная открытость миссионера ограничена, с одной стороны, опасностью "метания бисера", а с другой, — состоянием его "внутренней" миссии по отношению к самому себе. Ведь становясь вечером на молитву, отрываясь от суеты дня и входя в пространство своей души, он нередко оказывается в положении миссионера, отплывшего утром от тихого и благодатного островка, а вернувшись после дневных трудов, обнаружившего там языческие пляски, бубны... и все нужно начинать сначала. И только когда здесь в этой внутренней миссии водворяется мир и настаивается тишина, избыток их может давать силы для миссии внешней.

Кроме личностной открытости миссионера в деле миссии не менее важна открытость того, к кому миссия обращена. Психологический опыт показывает: человек начинает по-настоящему слышать и понимать другого только тогда, когда он сам услышан и понят. Помочь открыться другому — необходимое условие миссии. Чтобы можно было посеять в землю семя, она должна быть не покрыта коркой льда, а отогрета и распахана. В создании атмосферы открытости, мне кажется, должна соблюдаться некая пропорция между душевным и духовным, в известном смысле в пользу душевного: количество семян не может превышать количества засеваемой земли.

В современной культурной и церковной ситуации постепенно проступает непривычный образ миссии и миссионера: не стадион

с сотнями пассивно слушающих и одним громким, напористым, доказывающим, говорящим, говорящим и говорящим, а двое или трое, молчащих, слушающих, внимающих себе и другому. Разумеется в зависимости от реальной ситуации миссии, темперамента и духовной одаренности миссионера, миссия может быть и громогласной, и массовой, но все же она будет подлинной и плодотворной лишь в том случае, если сохранит в своем составе живые клеточки, каждая из которых — это личностная встреча, с внутренним простором тишины, в которой может говорить Бог.

Размышляя о психологии миссии, начинаешь с радостью за профессию понимать, что есть и миссия психологии в современной церковной жизни. Одно из глобальных достижений психологии и психотерапии XX столетия — формирование искусства и даже технологии личностного общения, позволяющих разговаривать с человеком так, чтобы устанавливался контакт с разными уровнями его души и его сознания. Пусть нас не смутит технологизм этих слов, как нас не смущает приложение слова искусство к церковному пению или слова техника к иконописи. Может быть стоит этому искусству слушания и понимания учить в миссионерских, катехизаторских и богословских учебных заведениях. И тогда психология поможет вернуть в лоно Церкви тот персонализм, который она, сама того не ведая, в конечном итоге из церковных корней и получила.